В. И. Ленин номидаги Ўрта Осиё давлат университетининг илмий асарлари
Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина

Вып. 150

П. А. Ковалев

ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1916 года В ТУРКЕСТАНЕ

(Дело Ферганского губернатора генерала А. Гиппиуса)

Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (январь 1954 г.) в своем решении записала, что она считает необходимым дальнейшее углубленное изучение истории восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане» (1).

Это углубленное изучение мыслится и в составлении сводных монографий и в описании отдельных эпизодов, характеризующих обстановку во время событий 1916 года.

Одним из таких характерных, симптоматичных эпизодов является дело Ферганского губернатора генерала Гиппиуса, который отменил царский указ о мобилизации на тыловые работы и пытался организовать с помощью местной национальной буржуазии так называемое добровольческое движение рабочих-тыловиков.

В литературе вопроса этот интересный эпизод из жизни Ферганской области в 1916 году обычно игнорируется или расценивается как пустяковая деталь внешней истории восстания. Еще А. Шестаков, заинтересовавшись делом Ферганского губернатора, не счел все же нужным обстоятельно ознакомиться с ним и ограничился короткими и не вполне верными замечаниями (2).

В литературе последнего времени рассматриваемый эпизод стал освещаться несколько полнее (3), но по-прежнему нет сколько-нибудь основательного изложения дела.

В предлагаемой статье дается сравнительно полное описание и анализ мероприятий Ферганского губернатора, в которых мы видим первые яркие признаки кризиса колониального режима в крае накануне 1917 года.

1. Первые признаки кризисных явлений в колониальном Туркестане

В июле 1916 года Туркестанский край, его хлопковые районы, оказались в критическом положении (4).

В основных районах края происходили волнения и восстания. Начались 4 июля с Ходжентской демонстрации против объявленной царским правительством мобилизации коренного населения на тыловые работы (5), народные волнения распространились по узбекским и таджикским районам Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей (6).

К средине июля восстание, к которому местами стали примыкать даже феодально-байские слои коренного населения, достигло своего апогея.

Нарушилась экономическая жизнь края, особенно в сельском хозяйстве, где замедлялись и местами приостанавливались уборка хлебов, окучка и поливка хлопковых полей.

Дехкане, отмечал Самаркандский губернатор, «об имуществе и посевах думают мало» (7).

В свою очередь банки и торговые фирмы, напуганные восстанием, прекратили выдачу задатков хлопководам для очередной окучки и поливки полей (8).

Урожай хлопка 1916 года, особенно в Ферганской области, ставился под угрозу резкого снижения.

«Волна беспорядков, говорилось позднее в запросе группы членов Государственной Думы правительству, прошла по отдаленной, богатой и обширной окраине. Хозяйственная жизнь ее испытала жестокое потрясение» (9).

Подверглась разгрому политическая опора царизма в крае и его низовой аппарат — «туземная арминистрация».

Многие волостные и сельские старшины бежали, объятые паникой, в новые города под защиту царской администрации. Паника и растерянность стали захватывать на местах и русских колонизаторов и уездную администрацию (10).

Тревога за судьбу колонии почувствовалась и в кругах высшей — областной и краевой администрации. Генерал-губернатор раньше (4—7 июля) расценивал происходящие события как «беспорядки», как случайное явление, вызванное неумелыми действиями уездной администрации. Но теперь выяснялось, что движение порождено более глубокими причинами, что «разъяснительные меры» и «меры предосторожности» не дают результатов.

Генерал-губернатор теперь называет происходящие события в крае «народным движением по случаю набора рабочих».

Он задумывается над действительными причинами и последствиями этого движения. 14 июля он запрашивает губернаторов сообщить подробные сведения о народных волнениях.

«Прошу Вас, — пишет он — охарактеризовать настоящее народное движение по случаю набора рабочих: чем, по Вашему мнению, оно подогревается, не замечается ли посторонней или внутренней агитации на политической или религиозной почве и, вследствие сего, не имеется ли некоторой организации и согласованности выступлений, не переходит ли последнее на религиозную подкладку со всеми идеалами мусульманского мученичества за веру, не грозит ли все это общими волнениями, восстанием фанатических косных масс, как возможно при настоящей обстановке осуществить набор рабочих и какими способами могут быть прекращены настоящие волнения. Независимо от сего сообщите и не грозит ли непосредственная опасность русским поселениям и разным правительственным сооружениям вроде железной дороги, телеграфа, телефона и прочим. Обо всем подробно донесите, равно о принятых Вами мерах» (11).

В ответ на запрос из Ташкента губернаторы областей обеспокоенные вулканической силой народного движения, высказывали самые худ-

шие предположения насчет дальнейшего развертывания событий. Губернаторы же двух наиболее «мятежных» областей, оставив прежние иллюзии, прямо заявляли о непосредственной опасности всеобщего восстания

Ферганский губернатор указывал:

«Чем бы народное волнение не было вызвано, но оно в дальнейшем развитии, конечно, грозит разгореться на почве религиозной и политической» (12).

Самаркандский губернатор считал вполне возможным переход «мятежа в общее восстание с религиозно-фанатическим поводом», что по его мнению, должно было прежде всего отразиться «на сборе хлеба и хлопка »(13).

В крае все шире распространялись слухи о близящемся всеобщем восстании коренного населения под лозунгами газавата: «неяты газават мусульман абат бульды» (выходите на священную войну, настало время свободы для мусульман») (14).

Туркестанское районное охранное отделение заявляло, что «общее восстание туземцев должно быть начаться после окончания уразы 15—25 июля» (15).

В дату 18 (20) апреля, как день всеобщего восстания, поверила колониальная администрация, включая ташкентских сановников.

15 июля генерал Ерофеев встревоженно телеграфировал в Петроград:

«Из поступивших ко мне донесений с 11 по 14 июля усматривается, что волнения, беспорядки охватывают все большие районы... Циркулирует слух о предстоящем будто бы общем восстании мусульман в ближайшие дни всемусульманского праздника Айди-фитра.

Вся обстановка в освещении официальными донесениями и агентурными сведениями указывает на серьезность движения: наличность разбросанных в крае русских беззащитных поселков при отсутствии мужского населения, громадность территории при большой недостаточности конницы и малочисленность администрации побуждает пока быть осторожным и сковывает решительность действий по принятию принудительных мер» (16).

Все более поддаваясь тревожным настроениям, 17 июля генерал Ерофеев спешит сообщить правительству о критическом положении колониального Туркестана.

«Настроение весьма тревожное, жалуется начальник края, особенно ввиду наступающего 18 июля мусульманского праздника и связанного с ним ожидания восстания туземцев» (17).

Мощное веяние народной борьбы врывалось в прежде тихие канцелярии генерал-губернатора, губернаторов и уездных начальников, порождая неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие, внутренние несогласия, споры, общий разброд. Стан колонизаторов и колониальной администрации пришел окончательно в возбужденное состояние, обсуждая меры и способы подавления волнений и восстаний и возможности выполнения правительственного задания по мобилизации коренного населения на военно-тыловые работы.

Вскрывшиеся неожиданные последствия мобилизации: волнения и восстания, нарушение хозяйственной жизни, перспектива серьезной опасности для колонизаторов, выбивали чиновный мир из привычной колеи мирной, безмятежной жизни и порождали известное недовольство цар-

ским указом и особенно способами и темпами его проведения. Сам врид генерал-губернатора Ерофеев ворчал про себя на то, что «перед изданием «Высочайшего Повеления» не были истребованы соображения главного начальника края, требуемые законом» (18).

Определенная часть колониальной администрации стала указывать на неподготовленность и нецелесообразность мобилизации населения края на тыловые работы, на неэффективность административных принудительных мер и большую опасность их применения.

Отдельные ее представители — Семиреченский губернатор Фольбаум, Управляющий Государственным имением в Байрам-Али Мейер и другие, стали в той или иной форме возражать и выступать против спешного проведения мобилизации, ходатайствовать о снижении контингента мобилизуемых рабочих и даже хлопотать об отмене мобилизации для своего района под разными предлогами (19).

2. Отмена царского указа в Ферганской области

Кризис колониальных верхов, получил, однако, наиболее яркое выражение в предложениях и действиях военной администрации Ферганской области — важнейшей области края.

Во главе этой области стоял генерал Гиппиус — верный слуга царя и монархии, добросовестный службист, старый туркестанец и ревностный колонизатор, однако, склонный разыгрывать из себя роль гуманного правителя — типа христианского пастыря.

«Управление же, — смиренно изрекал Гиппиус в письме генерал-губернатору Ф. В. Мартсону, — бывает наиболее прочным и твердым, когда вдохновляется добродетелями прямых стезей, терпения и любви». (20). Иногда Гиппиуса изображают германофилом и немецким шпионом (21). Но это неверно. Гиппиус был англоманом и большим поклонником колониальных порядков в Индии (22). Он идеализировал управление англичан в Индии, не замечая, что длительная зависимость Индии от английского империализма привела к деградации экономики страны. к упадку сельского хозяйства, хроническим голодовкам миллионов коренного населения и массовым пандемиям.

Но, конечно, генерал Гиппиус не был мягкотелым «хлюпиком», сторонником идеи «непротивления злу насилием».

По Гиппиусу, проповедуемая им «добродетель» должна была подкрепляться силой оружия.

Гиппиус утверждал в одном из своих обращений к местному населению, что «действия войск оружием против толпы—предписывается законом, как мера разумная и необходимая» (23).

Десять лет прослужил генерал-лейтенат Гиппиус в Фергане на посту губернатора. Он великолепно владел многими восточными языками, неплохо ознакомился с экономикой области и бытом коренного населения.

В отличие от многих других царских чиновников, Гиппиус несколько яснее представлял себе действительное положение, создавшееся в 1916 году в царской империи и в ее колонии. Он лучше, чем другие, видел те опасности, которыми был чреват необычный акт национально-колониальной политики царизма (царский указ от 25 июня), который затрагивал экономику, быт и традиции коренного населения.

Сознавая ответственность и сложность нового мероприятия, Фер-
ский губернатор, не в пример Самаркандскому, не спешил с практи-
ким выполнением мобилизации коренного населения.

В течение времени с 28 июня по 9 июля работа по набору рабочих
ерганской области, собственно, не выходила за пределы канцелярий
ернатора, уездных начальников и заключалась в развертывании на-
а рабочих по уездам и волостям.

Несмотря на возбужденное состояние населения, вызванное начав-
ся местами переписью мужского населения, а затем ходжентскими
ытиями, в Фергане вплоть до 9 июля было относительно спокойно.

В то время как в Самаркандской области происходили демонстра-
протеста и открытые выступления народных масс против власти,
ганский губернатор, самодовольно созерцая состояние своей области,
ечал не без гордости: «пока у нас, слава богу, идет мирно» (24).
алось и в дальнейшем не будет оснований для беспокойства. Область,
наиболее хлопковая из всех областей края, получила большие льго-
— облегченный наряд рабочих в 50 тыс. человек (1 рабочий на 5 дво-
), Администрация области проявляла осторожность и не спешила с
ором рабочих.

В областном и уездных центрах состоялись совещания, на которых
суждался вопрос о порядке составления списков мусульманского на-
ения» и были разработаны «соответствующие указания участковым
ставам» (25).

Сам ферганский губернатор перед началом мобилизации издал
вание к населению, в котором говорил о заботах властей, обещал
гу рабочим-тыловикам с полным содержанием от казны и даже раз-
ал заместительство в выставлении рабочих.

В заключении воззвания губернатор давал «добрый совет» населе-
«отнестись к призыву нашего государя императора с радостным чув-
м сынов нашей Великой Родины» (26) и помнить, что «в победе рус-
о оружия заключается залог счастья и благоденствия и для тузем-
дабы после победы, которую одержат русские войска и ферганские
мцы могли с чистой совестью сказать: «мы честно исполнили пове-
е государя» (27).

С 9 июля населению области объявлялось о начале мобилизации
ренно-тыловые работы с указанием количества причитающегося с
дого города и каждой волости рабочих. Губернатор области в связи с
лом кампании по набору рабочих готовился выехать для личных
яснений в районы вверенной ему области.

Но и население Ферганы, как и в соседних областях, не вняло «доб-
» совету «заботливого» губернатора.

В первые же дни объявления населению указа и разверстки наря-
абочих начались демонстрации протеста и открытые выступления
ения, нападения на администрацию, массовое уничтожение спис-
одним словом, начались «беспорядки», которых так боялся генерал
иус. 9 июля он передал в Ташкент телеграмму, извещавшую о на-
нхся волнениях в доселе «спокойной и благополучной» Фергане:

«При объявлении населению о наряде рабочих, весть была принята
ением местами хорошо, но местами возникли беспорядки; первое:
ня в субботу, в селении Гязы-Яглык Араванской волости, Кокан-
уезда, собралась большая толпа, убила волостного, его писаря и

джигита; были вызваны наряды полиции и воинский наряд 25 человек; из толпы убито один; второе — сегодня же в городе Андижане молодежь вышла из медресе, образовав толпу не пожелавшую расходиться; были вызваны войска; из толпы тяжело ранено 10 туземцев» (28).

Кровавые события 9 июля в крупном центре области и края — Андижане и под Кокандом так поразили и перепугали генерала Гипписа, что он «в связи с общим приподнятым там настроением» просил Ташкент о срочной высылке войск, «о спешном усилении гарнизонов полусотней казаков в Андижане и столько же в Коканде» (29). В тот же день он выехал в Андижан, где 10 июля принял «почетных туземцев», просивших отсрочить набор рабочих.

Но 10 июля произошли большие волнения в Старом Маргелане и Гиппиус метнулся в Старый Маргелан, а оттуда выехал в Коканд. Прибыв 11 июля в Коканд, Гиппиус узнает о новых «беспорядках» — в Яны-Кургане, Дальверзине и в городе Намангане. Немедленно в тот же день — в четыре часа дня, Гиппиус выезжает в Наманган, на следующий день он уже едет в Чуст, оттуда снова в Коканд (30). Одним словом, губернатор мечется из одного угла области в другой, стараясь осмыслить события, определить размеры нагрянувшей опасности. Каждый день, каждый час приносили новые тяжелые известия, а с ними росло представление о потребном количестве войск. Гиппиус просит генерал-губернатора о новых дополнительных отрядах войск, об усилении гарнизонов в Намангане — полусотней казаков и одной ротой, в Коканде — одной ротой, в Андижане двумя ротами (31).

Поставив перед собой первейшей задачей добиться «успокоения населения», губернатор Гиппиус забрасывает все остальные дела и поручает управление области своему заместителю. «Управление текущими делами, — информирует Гиппиус генерал-губернатора, — мною передано полковнику Тейху, сам я занимаюсь исключительно усмирением области и предварительной организационной работой по набору рабочих» (32).

В течение 9—14 июля Гиппиус объезжает почти все большие города области: Андижан, Наманган, Маргелан, Коканд, Чуст и др. Он силится «успокоить» свою область, собирает должностных и наиболее влиятельных лиц из коренного населения, подробно разъясняет смысл «Высочайшего Повеления», расспрашивает о причинах «беспорядков», стыдит, уговаривает, просит их, как руководителей местного общества, о содействии в деле «успокоения» народа и проведения набора рабочих. «Влиятельные» лица на поставленные в лоб вопросы и обвинения клялись в верности губернатору, обещали воздействовать на население, выставить рабочих. Повсеместные заверения «почетных» представителей успокоили было губернатора и он торопится сообщить в Ташкент о «первом признаке начавшегося успокоения» (33), ибо он встретил со стороны наиболее «влиятельных туземцев», по его словам, «полное сочувствие желание выказать... содействие по восстановлению порядков» (34).

Но то ли заправилы местного общества лицемерили, то ли они не имели прежнего авторитета в народе, дружественные переговоры и беседы губернатора с «аксакалами» не приносили практической пользы.

«Почетные лица» в конце концов признавались в том, что они бессильны остановить народное движение. Они придумывали различные объяснения происходящим беспорядкам: внезапность распоряжения о наборе и в неподходящее время — в дни уразы, неясность условий набора

незнание льгот, предоставляемых тыловым рабочим, убежденность населения в том, что людей берут в солдаты, при этом они ясно намекали на желательность отмены или во всяком случае отсрочки набора рабочих.

Разочарованный губернатор разражается иеремиадой:

«На словах представители туземного населения, — пишет он, — принимают мои подробные объяснения, сочувственно обещают переговорить с населением, но приходится слышать возражения, что они то все хорошо поняли, но население будто не верит» (35).

Фергана уже бурлила. Восстание ширилось, захватывая новые районы. С мест поступали новые и новые сообщения о «беспорядках».

Время с 11 по 15 июля явилось периодом апогея народных волнений в Ферганской области. За эту пятидневку были официально зарегистрированы открытые выступления народных масс 52 населенных пунктов области.

Во многих волостных и сельских центрах, «туземная администрация» была ликвидирована, частью перебита, частью, боясь кровавой расправы, в панике бежала в города. В городах области появились «свои» беженцы: волостные и сельские старшины, семьи служащих с железнодорожной линии. Сама царская администрация серьезно боялась за беспасность городов.

Возникла серьезная угроза нарушения железнодорожной и телеграфной связи Ферганы с другими областями края и Ташкентом (36).

В связи с этим при станции Коканд был образован участковый комитет по охране Среднеазиатской железной дороги (линия —Урсатьевская—Андижан), который спешно принимал решения об охране железной дороги: 1) просить о посылке военной силы на ст. Ходжент и в районы Хилково—Ходжент; 2) сформировать карательные поезда с войсками, орудиями, пулеметами и материалами — с составом каждого отряда не менее 25-ти солдат; 3) на ст. Коканд подобрать помещение для размещения охранительной роты в 175 «нижних чинов»; 4) установить телефоны для связи на водокачках при станциях Ходжент, Веревкино, Посьетовка, для чего снять 6 телефонов на станциях: Коканд, Андижан, Скобелево; 5) вооружить «благонадежных и спокойных» железнодорожных служащих на глухих станциях и на станциях с водокачками, где нет войсковой охраны (37).

Для выполнения этих решений прежде всего нужны были войска.

14 июля генерал Гиппиус вновь просит Ташкент усилить отправку в область войск, объявить область на военном положении, предоставив ему права главнокомандующего.

«Из всех уездов я получаю, пишет Гипиус, — очень тревожные сведения. Полковник Бржезицкий телеграфирует: «туземная администрация уезда напугана настолько, что бежит из волостей в город, боясь кровавой расправы». При таком положении область может оказаться совсем без управления и положение станет страшным. Ввиду изложенного, а также опасности перерыва сообщений с соседней областью ходатайствую: 1) о присылке для охраны железных дорог тысячу нижних чинов и еще одной дружины для охраны русских поселков; 2) шести сотен казаков для распределения по одному взводу на каждого участкового пристава; 3) объявления Ферганской области на военном положении; 4) предоставлении мне прав главнокомандующего» (38).

Губернатор Гиппиус окончательно и полностью убеждается в бесплодности своих попыток повлиять на население, в бесплодности своей «усиленной контр-агитации» (39).

Будущее области теперь ему рисуется в самых мрачных красках. Он опасается, что народное волнение в «дальнейшем развитии... грозит разгореться на почве религиозной и политической» (40).

Недаром он просит генерал-губернатора о назначении себя главнокомандующим, так сказать, нового фронта.

Но для фронта, для успешной войны с восставшим народом нужны были войска и войска.

Войска в Фергану прибывали уже с 13—14 июля. Всего в Фергану прибыло 3 роты, одна дружина и 2 батареи. Вместе с тем краевая власть предоставила в полное распоряжение Ферганского губернатора областные войска (41).

По мнению и. д. генерал-губернатора Ерофеева, этих сил было достаточно для подавления восстания: потребность в войсках, утверждал генерал-губернатор,—будет этим вполне удовлетворена» (42).

Войска пехотные и артиллерийские части размещались властями по городам, станциям, разъездам, крупным селениям и даже на значительных мостах железной дороги были выставлены охранные команды пехоты.[43]
пехоты (43).

Войска посылались в восставшие селения и старые города, они ревностно выполняли свои функции — жестоко подавляли восставших, но их, как казалось Гиппиусу, было мало, недостаточно для обеспечения «порядка» в обстановке распространяющихся по области народных волнений.

Администрация Ферганской области считала, что «в Фергане войск недостаточно для защиты городов, станций и железнодорожных линий». (44)

С таким наличием вооруженных сил, по мнению генерала Гиппиуса, нельзя было думать о полном «усмирении» и тем более быстром «усмирении» области, а это прежде всего при любом исходе восстания угрожало расстройством полевых хлопковых работ и могло «пагубно отразиться на Московском районе» (45)

В области, как и в крае, все шире циркулировали слухи о близящемся всеобщем восстании коренного населения.

17 июля кончался 30-тидневный пост «рамазан» и с 18 июля наступал трехдневный праздник «иди — рамазан». (46) Ко дню «Байрама» — 18 июля, по слухам, и приурочивалось всеобщее восстание в области и в крае.

Угроза всеобщего восстания в Туркестане в середине июля уже не казалась плодом возбужденной фантазии, а представлялась вполне реальной опасностью. На это указывали события в Ташкенте, Джизаке, в других городах и селениях края и в самой Ферганской области, уездные начальники которой непрерывно сообщали о новых «беспорядках», о «бегстве туземных властей, опасающихся кровавой расправы взбунтовавшейся черни» (47), о подозрительных симптомах близящегося восстания, например, о наблюдающейся «большой скупке ножей местными жителями» (48) и т. п.

Становилось очевидным, что на одно насилие нельзя было полагаться, что «одной палки, одного кнута мало, палка все-таки надломана» (49).

В сложившихся условиях губернатор Гиппиус теряет веру «в устрашительность карательных экспедиций», рекомендуемых краевой администрацией.

«Понудительный набор, конечно, можно было бы начать, — рассуждает он, — но только с неизбежным результатом, что соседнее население в ужасе от карательных экспедиций убежит в горы и голодное и обездоленное выделит от себя банды, часть которых займется грабежом, а другая часть, объединившись под начальством какого-нибудь фанатика, перенесет вопрос о наборе на почву религиозную и политическую и тогда нам пришлось бы иметь дело с форменным восстанием» (50).

Ферганский губернатор приходит к выводу о необходимости отмены мобилизации на тыловые работы и сосредоточения всего внимания администрации на восстановлении «спокойствия» в крае.

«В настоящий момент, — заявляет он генерал-губернатору, — ближайшая задача управления—в восстановлении порядка, о насильственном же наборе рабочих пока нечего и думать» (51).

Но разве рядовому губернатору дано право отменять «Высочайшее Повеление»?

«Воля монарха—высший закон, воля царя—превыше всего», «Высочайшее Повеление» не отменяется несмотря ни на что, выполняется вопреки всему, — твердили царские чиновники. Провинциальный губернатор решает поэтому лишь отказаться «применять в жизни голый принцип Высочайшего Повеления 25 июня без наполнения его конкретным содержанием» (52).

Гиппиус задумывает прибегнуть к тактике маневров, уступок, создать на основе этих уступок более прочную опору среди буржуазно-феодальных слоев населения, ослабить стимулы для народных волнений, предотвратить опасность образования единого национального фронта. Выпадение одного из решающих, по мнению Гиппиуса, факторов волнений и восстаний, должно было повести к немедленной ликвидации «беспорядков» и привести вверенную ему область к прежнему «спокойному» состоянию.

Словом, губернатор Ферганы увидел необходимость «уступок неважного» для «сохранения важного» (53).

Сохранить важное значило теперь — защитить и упрочить любыми мерами ослабший колониальный режим в крае. Если мобилизация населения на тыловые работы встает в противоречие с главным, то нужно устранить и это препятствие.

«Не нужно из-за блохи сжигать одеяло», советует одна болгарская пословица.

Конечно, не легко было царскому генералу, привыкшему к прямым действиям, к слепому преклонению «инородцев», итти на уступки, на маневры. Но страх, осмысленный пониманием значения грозных событий, толкал и к мягкости и к хитрости. Ликвидировать народное движение посредством мягкости, фразы, обещаний, грошовых подачек, уступок неважного — так пытается решить задачу губернатор Гиппиус. Он рассчитывает применить особый, «мирный» способ осуществления «Высочайшего» повеления «к общему удовольствию миролюбиво» (54). Что называется, «в кротости, дальше от пропасти».

Таким образом, губернатор Гиппиус думает лишь «изменить» способ мобилизации и отменить не вообще набор рабочих, а «насильственный набор рабочих».

«Набирать рабочих силой при выяснившемся явном нежелании итти охотой, при чем недовольство создано ошибкой русской же власти, — декларирует Гиппиус, по моему мнению, нецелесообразно, очень вредно для той цели с какой было издано Высочайшее Повеление и бесполезно для охраны русского престижа, войска нужны на фронте... занимать их ловлей недовольных рабочих, которых пришлось бы потом охранять в пути от побега и назначать конвой для надзора во время их работы. Принудительный сбор рабочих поведет в тупик, из которого нет выхода» (55). Губернатор Гиппиус полагал, что в условиях Ферганы имеется достаточный контингент городской и сельской бедноты, которую можно привлечь хорошей платой на тыловые работы в качестве охотников —добровольцев; а потому: «охотников найдется больше, чем надо» (56). Расчеты на сбор добровольцев — рабочих казалось вполне реальными, ибо Ферганская область с ее двухмиллионным населением получила относительно небольшой наряд рабочих в 50 тысяч человек.

В случае же если эти расчеты не оправдались бы, по Гиппиусу, надлежало прибегнуть не к «насильственной реквизиции рабочих», не к военным карательным экспедициям, а к экономическим репрессиям, т. е. к конфискации земли селений, отказывающихся выставить рабочих, что представляло большую выгоду для колонизаторов в другом отношении «в виде создания нового колонизационного фонда и земельного обрусения Ферганы» (57). Однако в Ташкенте не хотели вникать в аргументы ферганского губернатора. Начальник края приказывал применять решительные репрессивные меры для «восстановления административного течения жизни» (58).

«Вашими аргументами», писал Ерофеев Гиппиусу, при сношениях в данное время с туземцами должна быть непоколебимая решительность, поддержание военной силой власти и во что бы то ни стало привести в исполнение волю белого царя и указаниями на те ужасы, которые ожидают всех сопротивляющихся, перечислите им таковые» (59).

Но опасность всенародного восстания казалась теперь страшнее неудовольствия генерал-губернатора.

Зедь «историческое море» было так неспокойно; море взволновалось, а «корабль народа», говоря словами Л. Толстого, сам двинулся в путь.

Приближался «страшный» день байрама — 18 июля, оставались считанные дни и часы. Страх за судьбу колониального режима окончательно овладевает душой царского губернатора. От страха Гиппиус отваживается на «смелый» шаг и совершает... своего рода государственный переворот, нечто вроде пронунциаментно.

16 июля генерал Гипиус прибывает в Андижан — крупнейший центр Ферганы. Здесь он объявляет себя «своею властью» главнокомандующим и приступает к «самостоятельным», т. е. самочинным действиям.

Правда, о «перевороте», совершенном в Андижане, Гиппиус ставит в известность генерал-губернатора и Главный Штаб для доклада «в случае надобности самому царю».

«Я сего 16 июля, — извещает Ферганский губернатор Туркестанского генерал-губернатора, — ввиду наступления через день праздника байрама, крайне опасного в смысле беспорядков во всех городах и се-

лениях области, исход политического значения каковых трудно даже оценить, вступил в Андижане своею властью в исполнение насущных функций главноначальствующего; спешно заготовил и выпускаю во многих тысячах экземплярах свое обращение к туземному населению; толкую Высочайшее Повеление 25 июня, так, как я понимаю его сам, совсем не руководствуясь тою частью Ваших указаний, исполнение которых считаю опасным для предупреждения дальнейшего возгорания беспорядков. Копию настоящей телеграммы посылаю одновременно в Главный Штаб для доклада в случае надобности его императорскому Величеству» (60).

Вступив «своею властью» в исполнение «насущных» функций главноначальствующего, генерал Гиппиус спешно сочиняет «манифест» к народам Ферганы, так называемое «второе объявление от военного губернатора Ферганской области туземному населению», В «манифесте» губернатор, ссылаясь на то, «что в Высочайшем Повелении 25 июня с. г. совсем не указано о наборе рабочих силой», провозглашает отмену мобилизации коренного населения Ферганы на вонно-тыловые работы. Свой «манифест» он торопится обнародовать до наступления дня Байрама. Новый важнейший акт областной власти был спешно и массовым тиражом отпечатан в Андижанской типографии М. А. Рубо и в ночь с 17 на 18-е июля разослан по городам Ферганы уездным начальникам для распространения среди населения (61).

2-е объявление Ферганского губернатора представляет собою знаменательный документ, в котором ярко отразились: критическое состояние режима и национальной политики царизма, «просвещающее» влияние народного восстания на сознание некоторых царских колонизаторов, осознание ими необходимости применения в делах управления колонией методов уступок и убеждения, то-есть либеральной фразеологии по поводу интересов народа.

2-е объявление было изложено на многих страницах.

Обильное многословие (плеоназмы, тавтология) этого документа свидетельствовало о том, что царский губернатор не чувствует себя, что называется, прочно сидящим в седле, что он нуждается и прибегает к демагогическому велеречию с целью посильнее воздействовать на вышедшие из послушания народные массы.

Главное в объявлении состояло в том, что мобилизация на военно-тыловые работы отныне отменялась, населению торжественно возвещалось, что губернатор «совсем не имеет намерения брать рабочих силой», что он «приказал прекратить составление списков мужского населения» (62).

Объявление об отмене мобилиазции учитывало психологию коренного населения, как она представлялась колонизаторам.

2-е объявление начиналось с громкозвучного извещения о прибытии в Фергану войск с артиллерией и сопровождалось страшными угрозами по адресу бунтовщиков и их соучастников. Оно было построено по следующему плану:

1. Областные власти располагают «с избытком» военными силами, чтобы подавить любое восстание, чтобы разрушить и сравнять с землею всякое «бунтующее» поселение.

2. Происходящие почти во всех городах и во многих местах области «беспорядки» есть результат недоразумения, непонимания населени-

ем «истинного» смысла «Высочайшего Повеления», ошибочного предположения населения о том, что рабочих будут брать силой.

3. В действительности набор рабочих будет производиться только на добровольных началах, ибо «недовольные» рабочие совсем не нужны», а охотников — добровольцев в Фергане найдется более чем достаточно. Порядок набора добровольцев будет выработан при участии самого населения.

Теперь не остается никаких оснований для недовольства, демонстраций, волнений.

4. Поскольку в дело внесена ясность, с настоящего момента возникающие «беспорядки» будут подавляться с особенной беспощадностью: участники их будут предаваться смертной казни, «бунтующие» селения будут разрушены до основания, а земли их отобраны в казну.

5. Во избежание всех этих несчастий и бедствий население должно выдавать «злонамеренных» лиц, подстрекающих народ к «беспорядкам», обязано сохранять полное спокойствие, заниматься мирным трудом и даже не думать о наборе рабочих.

«Туземное» население приглашалось губернатором, ему не приказывалось, а оно приглашалось «не верить никаким тревожным слухам, а верить только тому, что... в настоящем объявлении изложено».

Генерал Гиппиус приглашал, призывал, заклинал население верить только его объявлению: «верить моему настоящему объявлению» мною лично составленному и мною лично подписанному 16 сего июля в городе Андижане» (63).

Ферганский губернатор надеялся на действенность своего объявления еще и потому, что оно было одобрено местной феодально-байской верхушкой населения (среди которой видную роль играли « Хашим-бек—сын советника Худояр-хана, Мирзакульбек и др.).

«Верхний влиятельный класс отнесся крайне сочувственно к моему объявлению, сообщал губернатор в Ташкент. Я надеюсь оно внесет успокоение, во всяком случае я сделал все возможное, дабы мерами убеждения и угрозами наказания предупредить вспышку общих беспорядков на празднике Байрама в селениях и городах, чего сильно опасаются все уездные начальники, кроме Ошского» (64).

Народные волнения, однако, продолжались, но всеобщего восстания, в которое так поверили генерал Гиппиус и уездные начальники не произошло. «Роковой день» 18 июля прошел относительно спокойно. В области даже обозначился спад волнений. 19 июля в 7 часов утра Гиппиус, подводя итоги вчерашнего дня, записывал: «замечается, как будто, поворот в смысле успокоения, первый день праздника прошел вполне спокойно, но безлюдно. В Балыкчинскую волость пригородного участка Андижана начинают возвращаться туземные власти; за истекшие сутки никаких происшествий не было. Повернуть бунтовской дух сразу на воодушевление, конечно, нельзя, но наблюдающееся успокоение подает надежду на возможность спокойного обсуждения способов осуществить «Высочайшее Повеление» (65).

В тот же день, совершив объезд «туземного города Андижана, он окончательно убеждается в том, что «нормальная жизнь начинает восстанавливаться» (66). Поздно вечером — в 11 часов, он отмечает: «при моем проезде туземцы, наполнявшие довольно оживленный базар, большей частью охотно и почтительно вставали и кланялись...

Мое общее впечатление что Ферганская область начинает успокаиваться» (67).

В последующие дни Гиппиус постоянно подчеркивает, что «с первого же дня Рамазана 18 июля волна бунтовского духа сразу осела» (68).

Наступающее «успокоение» области губернатор, смешивая простое преемство и сосуществование явлений с их причинной связью, приписывает только действию своего волшебного опуса по принципу:» „Post hoc, ergo propter hoc" (после этого, по причине этого).

«Означенное второе воззцание, — утверждает Гиппиус в своих донесениях в Главный Штаб, — имело огромный успех и только этому воззванию я приписываю внезапное успокоение всей области с оттенком радости и довольства» (69).

Озабоченный положением хлопководства, губернатор Ферганы старается успокоить и «торгово-промышленный класс» России, он телеграфирует Московскому Биржевому комитету, сначала — 20 июля о том, что «вспышка беспорядков потухает, жизнь входит в обычную норму» (70), затем — 28 июля, что «в Ферганской области наступила совершенная тишина и спокойствие... жизнь вошла в обычные нормы» (71).

Заверяя председателя Московского Биржевого комитета в том, что «никаких беспорядков опасаться больше в Фергане нельзя», генерал Гиппиус просил настойчиво «оказать влияние на банки и торговые фирмы в смысле возобновления выдачи задатков хлопкозаводам для очередной окучки и поливки полей» (72).

Необычные мероприятия Ферганского губернатора по отмене набора рабочих способствовали известному понижению активности движения, ибо устраняли один из его существенных, а главное мобилизующих факторов. Даже недоброжелатели и зоилы Гиппиуса из местной колонизаторской среды отмечали, что с изданием 2-го объявления ферганского военного губернатора «туземное население возликовало, видя в тексте воззвания отмену самой повинности» (73).

Известное «успокоение» области, однако, достигалось слишком дорогой ценой — снижением престижи власти и возвращением к положению до издания «Высочайшего Повеления».

«В Ферганской области спокойно, — докладывал врид генерал губернатора Ерофеев Военному Министру и Министру Внутренних Дел,— генерал Гиппиус во имя спокойствия отказался предъявлять населению обязательную поставку рабочих» (74).

Позднее Куропаткин, знакомясь с состоянием дел в крае, приходил к такому же выводу: «Относительное спокойствие в Ферганской области, писал он, достигнуто резким отступлением Ферганского Военного губернатора, генерал-лейтенанта Гиппиуса. от полученного им приказания: он объявил населению, что будут брать на работу только тех, кто добровольно изъявит на то согласие» (75). Это была тем более дорогая цена, что «успокоение» области достигалось прежде всего действиями прибывавших в область войсковых частей. Войска области были усилены 12—13 июля тремя ротами Кушкинской дружины, одной Термезской дружиной и двумя батареями орудий, высланных из Ташкента. Этого количества, по мнению генерала Ерофеева, было достаточно для наведения «порядка» (76). Да и сам генерал Гиппиус не мог положиться целиком на моральную силу своего «манифеста», который, кстати сказать, не сразу стал известен населению всех уголков обширной области.

До издания второго объявления Гиппиус послал четыре телеграммы в Ташкент с просьбами о присылке военных подкреплений (77).

Объявление губернатора начиналось с извещения о прибытии войск и с угроз бунтующим селениям и городам. Но, конечно, отмена мобилизации, особенно волновавшей население, сыграла свою определенную роль хотя бы в том отношении, что она не обостряла, а временно смягчала политическую обстановку в области.

Однако, надежды на полное успокоение, когда пришли в движение, народные массы, были иллюзорными.

Иллюзию полного успокоения области, иллюзию магического действия второго объявления, порождали не оправдавшиеся предположения в отношении всеобщего «мусульманского восстания», в которое так поверили ферганская администрация и ее глава—генерал Гиппиус.

3. Попытки организовать добровольческое движение тыловиков

Отменяя царский указ о принудительной мобилизации на тыловые работы, ферганский губернатор рассчитывал организовать набор рабочих-охотников в форме широкого патриотического добровольческого движения. Он хотел доказать и показать генерал-губернатору и губернаторам, что его 2-е объявление «есть не отмена, а лишь прием управления» (78), что «требуется лишь выполнить определенный наряд, а каким именно способом — совершенно безразлично» (79), что, наконец, его метод «добровольной реквизиции» имеет все преимущества перед «насильственным» методом, ибо «воля государя императора будет исполнена под натиском не вооруженной силы, а вполне охотно с подъемом патриотического чувства» (80).

Гиппиус надеялся, что теперь на сборные пункты явятся «не ропчущие и недовольные рабочие, а добровольцы, охотно и радостно настроенные» (81) и эти ферганские «добровольцы» потом послужат примером подражания и для «туземцев» других областей (82).

«В своих поездках и многочисленных беседах с населением, — сообщал Гиппиус в Главный Штаб,—я определенно и твердо указывал, что Высочайшее Повеление должно быть беспрекословно и точно выполнено, но должны явиться не ропчущие и недовольные рабочие, а добровольцы, охотно и радостно настроенные, требуется лишь выполнить определенный наряд, а каким именно способом — совершенно безразлично—лишь бы явились охотники, силу же я применять не буду» (83) Но «катаясь на кобыле ,не жди жеребенка», — говорит казахская пословица. Нельзя было серьезно рассчитывать на патриотическое добровольческое движение среди бесправных и угнетенных народов колонии даже в условиях многонаселенной Ферганы.

Этого не позволяли национальные и религиозные традиции, в силу которых выезд за пределы родной земли и среды представлялся мусульманскому населению как необычное событие, тяжелое несчастье, грубое нарушение устоявшегося уклада жизни. «Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила», указывает Ленин (84).

Это затруднял и острый дефицит в рабочей силе, возросший в условиях военного времени, в связи с чем малейшее изъятие рабочей силы должно было болезненно сказаться на состояние экономики области и особенно на положении отдельных дехканских хозяйств.

В довершение всего не был разрешен и не мог быть удовлетворительно разрешен вопрос об оплате рабочих (85).

Но «политика, — указывал Ленин, больше похожа на алгебру, чем на арифметику и еще больше на высшую математику, чем на низшую» (86). Царский генерал, пожалуй, постигал только начатки «политической арифметики».

«Высшая математика политики» ему была, конечно, недоступна. Возможности добровольческого движения существовали лишь в воображении царского губернатора Гиппиуса, «поверившего» в патриотизм угнетенных колониальных народов, в сочувствие их делу империалистической войны.

Гиппиус воображал, что «в Ферганской области найдется в 2—3 и даже в 4 раза большее количество охотников, нежели сколько ныне назначено по разверстке на область» (87)

Это была консервативная романтика и основывалась она на элементарной арифметике, на примитивных статистических расчетах возможности найма рабочих.

Но эти расчеты не учитывали национально-бытовых особенностей и экономических интересов местного населения. Гиппиус лишь догадывался о трудностях набора добровольцев в Фергане, когда писал во втором объявлении: «вся задача и все затруднение заключается в том, чтобы выработать и установить порядок созыва и собрания таких охотников» (88).

Но иного выхода не было — нельзя же было совершенно отменять мобилизацию на тыловые работы. Заманчивая идея развернуть патриотическое добровольческое движение настолько увлекла Гиппиуса, что он перестал замечать реальную жизнь. В стремлении разжечь «костер патриотического воодушевления» Гиппиус идет на все средства; прибегает к уговорам, применяет драматические эффекты, идет на обман и сам обманывается, афиширует, приукрашивает и обобщает случайные эпизоды, выдавая их за признаки якобы возникшего и растущего общественного добровольческого движения.

С целью упрочить наступающее спокойствие в области и поднять широкое патриотическое добровольческое движение среди коренного населения, ферганский губернатор выезжает в новое турне по городам Ферганской области. Время с 20 по 28 июля он проводит в разъездах по области, выступая повсюду с речами на собраниях «почетных» представителей населения и с участием простого люда. В своих речах Гиппиус разъясняет и развивает идеи своего 2-го объявления, старается всячески внушить к себе и к своим действиям доверие. Он напоминает о недавних жестоких ханских временах, когда царил произвол, он подчеркивает, что в отличие от ханской власти нынешняя — царская власть — «мягкая» власть. Он заверяет, что царская власть не собирается производить набор рабочих силою, но она теперь нуждается в поддержке со стороны местного населения в виде выставления тыловых рабочих. Он советует в интересах самого населения оказать поддержку правительству, ибо — право владения землей местного населения поддерживается русским правительством. Он даже «мягко» угрожает — красочно рисуя «картину грядущего унижения мусульман после отобрания у них земель» в случае «нарушения связи их с русским правительством», то-есть после отказа населения выставить рабочих на тыловые работы (89).

Встречи губернатора с местным населением, казалось, превращаются в торжественные демонстрации дружбы и единения власти с народом, во время которых «многие в толпе... плакали от умиления» (90).

Возможно ему грезились польские торжества в мае 1791 года — «король с народом, народ с королем».

Об этих встречах и беседах с населением генерал Гиппиус подробно информирует генерал-губернатора и Главный Штаб. В своих информациях он старается показать, что из всех способов воздействия на население наиболее действенным, как «близкий и понятный массе туземцев», является угроза отобрания в казну земель «селений, которые не пожелают теперь оказать потребованную для государства помощь» (91).

Благодаря этому, отмечает Гиппиус, «влиятельный класс» искренно начинает принимать меры для окончательного успокоения населения и выставления нужного правительству числа рабочих.

Одна из таких встреч губернатора с «почетными» представителями и духовными лицами, «сзади которых стояла сплошная масса народа», имела место 23 июля в 11 часов дня в городе Намангане в мечети «Джами». Она была описана Гиппиусом в сентиментальном духе в специальном письме генерал-губернатору:

«Сегодня 23 июля, в 11 часов дня в Намангане, — писал Гиппиус, — я беседовал с духовными лицами, почетными представителями, сзади которых стояла сплошная масса народа. Мои слова были приняты не только сочувственно, но восторженно. Слепцом — начетником была пропета песнь Корана, затем совершена громкая молитва за царя с пожеланием побед русским войскам. Выделилось до 200 охотников-рабочих, которые повязали себе на левом рукаве красную повязку, они же громко пропели на туземном языке патриотическое стихотворение, по приглашению имама вся толпа молитвенно подняла руки вверх.

Эту картину, которую я перечувствовал, запечатлел приглашенный мною фотограф. Старший казий обратился ко мне с речью, в которой просил по телеграфу всеподданнейше донести государю императору, что у населения и в мыслях не было выходить из послушания, что оно 40 лет подряд было верно государю и остается непоколебимо верным и до сего дня, обещая и впредь оставаться верным своему царю, беспорядки же объясняются агентской телеграммой, в которой Высочайшее Повеление было изложено совсем не так, как население теперь услышало от Военного губернатора, внезапность агентской телеграммы и краткость Высочайшего Повеления, неправильно населением истолкованного, внесло в умы смуту, вследствие чего народ стал собираться толпами, толпою же руководить нельзя и произошли печальные беспорядки.

Народ, доверяя ныне своему губернатору, обещает впредь не слушаться тех, кто станет приглашать собираться толпами и впредь беспорядка больше не будет. Я верю искренности этих слов, потому что многие в толпе, слушая мои слова, плакали от умиления...» (92).

Чтобы внушить населению полное доверие к себе и возбудить «патриотизм», Ферганский губернатор пускается на театральные приемы и трюки, прибегает к национально-религиозной маскировке, являвшейся «той приманкой» (93), которая должна была привлечь внимание населения к проектам губернатора.

Об этих сценах, которые могли показаться проявлением странного чудачества и унизительными для достоинства губернатора, царского генерала, сам Гиппиус дипломатично умалчивал в своих реляциях высшему начальству. Но свидетели этих сцен — агенты охранного отделения и товарищ прокурора Ферганской области зафиксировали их во всех деталях.

Начальник Туркестанского Районного охранного отделения сообщал генералу Ерофееву лично, секретно и по сведениям из заслуживающего доверия источника:

«23 сего июля в город Наманган прибыл Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Гиппиус, где по распоряжению его Превосходительства были собраны представители туземного населения, с которыми генерал Гиппиус беседовал по поводу текущих событий, относительно призыва туземного населения края для работ в тылу действующих армий и в заключение, надев на себя сартовский халат и тюбетейку, Его Превосходительство самолично изволил что-то читать собравшимся сартам из корана, который затем поцеловал» (94).

Начальник Туркестанского Районного Охранного отделения добавлял, что «при этом присутствовал товарищ прокурора Скобелевского Окружного суда, фамилия коего неизвестна».

Но этот товарищ прокурора со своей стороны послал генерал — губернатору конфиденциальное письмо, в котором дал более подробное и красочное описание Наманганского маскарада генерала Гиппиуса. Он писал: «23-го сего июля около 11 часов утра к мировому судье 2-го участка Наманганского уезда, где я находился по делам службы, прибыл Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Гиппиус в сопровождении уездного начальника полковника Крошкова и пристава 1-й части города Намангана Федорова и настоятельно просил меня и мирового судью Лебедева сопровождать его в мечеть «Джами», где он назначил собеседование с собранной по его приказанию толпой туземцев.

Находя нужным выслушать, что будет говорить толпе губернатор, мы отправились с ними; прибыв в названную мечеть, я увидел собранную толпу туземцев около 700—800 человек во главе с почетными лицами.

Войдя на террасу при мечети, губернатор сел на стул, а чины уездной и городской администрации и мы поместились позади его за стулом, после чего губернатор обратился к собравшимся со следующей речью...». Далее товарищ прокурора приводил «по свежей памяти» содержание речи Гиппиуса, в конце которой он сказал:

«Мне назвали несколько самых умных из Вас людей и пусть они сейчас выйдут из толпы и сядут против меня (губернатор вызвал по списку 18 человек). Бог разно даем ум и другие способности и у кого больше ума, тот должен руководить другими. Может быть среди Вас есть еще, кроме указанных, умные люди, пусть они внимательно слушают меня. Есть мусульманская пословица: «глупому нужна палка, а умному совет» и этот совет я хочу Вам сейчас дать. Но я хочу, чтобы население забыло, что я сейчас губернатор и верило только мне и вот поэтому я снимаю генеральскую одежду и надеваю чалму и халат (губернатор снял фуражку, надел тюбетейку с чалмой и, поверх формы серый туземный халат). Я не мусульманин, но знаю турецкий язык, знаю арабский и читаю на этих языках. Я много читал коран и люблю эту божественную книгу и сейчас буду читать его на арабском языке, пусть ко мне подойдут два мударисса (подошли) и пусть удостоверяют Вам, что я читаю правильно». Губернатор взял лежавший на столе коран и начал нараспев читать его, мудариссы же подтверждали народу правильность чтения: почитав некоторое время губернатор продолжал—«я уважаю коран и в удостоверение этого целую его» (губернатор два раза поцеловал коран и положил на стол. Верите ли теперь мне? (в толпе

шум одобрения). Дети мои, пожалейте себя, не доводите до крайности, дети мои, будьте благоразумны» (95).

Все эти сцены с переодеваниями и целованием корана, подкрепляемые угрозами отобрания земель, как кажется губернатору, достигают цели. Они действуют, думает губернатор, и на «видных представителей из туземцев» и на «серые массы народа». Поэтому, слушая губернатора, как он сам писал: «старики плачут от нарисованной им картины будущего унижения мусульман, а молодежь, устанавливая на добровольцев рабочих новый взгляд как на защитников интересов собственной же земли, начинает воодушевляться и устраивает патриотические манифестации с несением перед собой портрета русского государя» (96).

Город Наманган стал «инициатором» так называемого добровольческого движения тыловиков.

Заверения «почетных» представителей местного населения, выступления мулл и казиев городов Ферганы с заявлениями о непоколебимой верности царю, умиляют, зачаровывают Гиппиуса «волшебным действием» примененных им аргументов и окончательно убеждают его в том, что ему удалось не только успокоить народ, но и организовать патриотический подъем среди местного населения. «Настроение туземцев в городах Ферганской области, — пишет он, — быстро меняется, переходя от недавнего бунтовского, а затем спокойного к патриотическому воодушевлению» (97).

К разъяснительной работе и организации «добровольного набора» губернатор Гиппиус привлекает и уездных начальников, видя в них своих достойных помощников, ибо они люди «все весьма долго служившие в Ферганской области, очень опытные и выдающиеся, все понимают туземный язык» (98).

Уездные начальники, стараясь угодить начальству своими сообщениями о появлении «добровольцев», еще более подкрепляют приятное состояние самообмана их шефа и Гиппиус убеждается в том, что «все уездные начальники охотно и убежденно помогают ему» (99).

В Скобелев поступают в конце июля донесения из уездов об «умилительных» встречах с населением, о «раскаянии» населения, о начавшемся, по примеру Намангана, «патриотическом добровольном движении» (100).

Заместитель губернатора советник Тейх, обобщая донесения уездных начальников, информирует губернатора о первых итогах «добровольческого» движения по области: «Набор рабочих Андижана и снаряжение их закончены. Наряд рабочих Скобелева также закончен. Сегодня 30 июля добровольцы-рабочие Скобелева устроили патриотическую манифестацию, прошли по городу с портретом государя, просили меня довести до Вашего сведения их верноподданнические чувства» (101).

В связи с этим генерал Гиппиус оповещает высшие власти об успехах «патриотического добровольческого движения» в Фергане. Он пишет: «Поднялась волна общего воодушевления и теперь набор идет полным ходом безо всяких затруднений и выделившиеся добровольцы ходят теперь по всем городам Ферганы в приподнятом настроении, неся впереди себя портрет государя, шумно возносят пожелания и молитвы о даровании победы русским войскам» (102).

Местные газеты Ферганы в конце июля писали о том, что в городах области происходит набор «добровольцев», начатый Гиппиусом в

Намангане, что записавшиеся надевают красные повязки на левую руку с надписью ОДР (отряд добровольцев рабочих) и прогуливаются по улицам городов (103).

«Туркестанские ведомости» также сообщали, что в городах — Намангане, Коканде, ст. Маргелане и Скоболеве устраиваются «патриотические манифестации». Манифестанты, говорилось в газете, предшествуемые «туземной администрацией» и «туземной полицией» проходят по улицам городов с портретами царя, национальными флагами, даже с пением «патриотических песен» и криками «ура».

Русское население городов, высыпав на улицу, наблюдает эти манифестации необыкновенных добровольцев — патриотов (104).

В конце июля губернатор Гиппиус, констатирует «факт полного успокоения всех городов Ферганы, факт приподнятого в тех же городах патриотического чувства» (105) и делает вывод, что новый «мирный порядок набора рабочих вполне оправдал себя» (106).

Подводя «блистательные» результаты начала своего движения, он сообщает высшим властям, что «ныне в Ферганской области уже готов контингент охотников рабочих на два поезда» (107).

Гиппиус уверяет, что если ему не будут мешать, что если ему будет «предоставлена власть вполне независимо действовать», то он начнет быстро выполнять наряд рабочих по своему способу: «Я быстро введу свой порядок, — пишет он, — и быстро отправлю сначала первый поезд рабочих, а затем и второй и оба эти поезда провезу сам по всей Фергане с развивающимися национальными флагами, с туземной музыкой и угощениями от туземцев на остановках» (108).

Словом, в Фергане было в эти дни много шуму. Шумел особенно Ферганский губернатор, обещая выставлять «добровольцев-патриотов». Ему помогали уездные начальники, их поддерживала верхушка местного населения, но дело шло туго и явно не удавалось. Только в городах за десять дней кампании, если верить Гиппиусу, был «набран контингент охотников — рабочих на два поезда», т. е. около 2000 человек (109). В селениях же не было зарегистрировано ни одного случая какой-либо формы добровольчества. Андижанский уездный начальник Бржезицкий, например, докладывал губернатору 22 июля: «Если и поступают ко мне в настоящее время заявления от туземцев о добровольном желании итти на работу и даже в ряды действующей армии, то заявления эти выражаются только в десятках охотников, а между тем их нужно свыше 10.000 человек. В охотники записываются все туземцы, которые служили у русских ранее, или близко стояли к ним. От кишлачников таких заявлений не поступает» (110). Подобного рода информации поступали также из других уездов (111).

Сам Гиппиус вынужден был отметить, что «патриотический дух» пока охватил города Ферганы и только ожидал, что и в селениях начнется «добровольческое движение».

Подбадривая себя, он занялся предсказаниями будущего. «Предсказывая будущее, для меня вполне несомненное, — писал Гиппиус Ерофееву, я не мог, однако, назначать для селений никаких сроков, ибо, селения должны сначала проникнуться тем же патриотическим духом, какой охватил ныне все города под влиянием моих выступлений и увещаний».

Ферганский губернатор полагался на сочувствие и поддержку национальной буржуазии, принимая ее отношение к набору рабочих за

всеобщее одобрение его мероприятий. Он видел, что заправилы местного общества всеми правдами и неправдами стараются выставить рабочих под видом «добровольцев». Наконец, в резерве у него находился весьма действенный «аргумент»—угроза конфискации земли селений, каковые откажутся оказать «потребованную для государства помощь».

«Если бы однако оказалось, подчеркивал он, что наблюдающееся ныне приподнятое настроение масс непрочно и в отдельных селениях вновь проявились бы протесты, то стоит только привести угрозу в исполнение, чтобы вновь поднять волну наглядным примером». (112)

Но это был совсем ненадежный резерв и слишком опасный «аргумент», применение которого могло повести к новому и значительному обострению движения и для подавления которого потребовались бы крупные вооруженные силы. Сам Гиппиус не исключал такой перспективы, говоря, что «если бы пример не подействовал и возникло открытое сопротивление, то . . . тогда пришлось бы прибегнуть к силе» (113). Но он все же надеялся на счастливый ход событий, думая, что «до этого дело не дойдет» (114).

Надежды эти, конечно, были безосновательными, нереальными, просто нелепыми, несмотря на хитрую демагогию губернатора и ловкие махинации «влиятельных» групп населения.

В самом деле, основное крестьянское население области настороженно и недоверчиво отнеслось ко второму объявлению Ферганского губернатора, нередко не знало о нем и вообще не собиралось откликнуться на призывы исполнить «гражданский долг». Из Андижанского уезда, например, сообщали, что в сельских местностях «настроение тревожное, недоверчивое» (115).

Организованное в городах местной национальной буржуазией добровольческое движение носило искусственный, суррогатный, фальшивый характер и не могло получить значительного распространения. Правда, в газетах писали, что «добровольческое движение факт несомненный» (115). Но тут же указывали, что «беднота... составляет кадры этих добровольцев», что «добровольчество»—это не что иное как натуральная повинность всех слоев населения, какие не имеют возможности откупиться, т. е. местного пролетариата и несостоятельных дехкан» (117).

Действительно, богатое население городов: Андижана, Маргелана, Намангана, Коканда и других, чтобы угодить губернатору и успокоить население, обложило себя и вообще все население денежным налогом в 50 и более рублей со двора и на созданный денежный фонд нанимало рабочих под видом добровольцев, иногда не считаясь с размерами платы. «Добровольцы» оказывались, таким образом, случайными людьми из городской бедноты, люмпен-пролетариев и даже из иностранных подданных, нанятыми, подкупленными или закупленными местной феодально-байской верхушкой на народные средства.

Более того, усилия царской администрации и национальной буржуазии расширить движение, т. е. переложить всю тяжесть «добровольного» набора на городскую бедноту, ремесленников и особенно на кишлачное дехканство, вызывали недовольство населения и грозили взрывом нового возмущения. Охранка указывала на то, что слухи о начинающемся наборе рабочих сильно волнуют население, что в связи с этим «во многих селениях области идут разговоры о том, что мужчины и женщины окажут серьезное сопротивление и население начинает при

тать свое имущество в землю» (118), что местами уже начинаются и происходят «беспорядки» (119).

Губернатор Гиппиус, уйдя от одного тупика «насильственного» набора рабочих шествовал и заходил в другой тупик, еще более глухой тупик--невозможности выполнения набора рабочих на основе фальшивого «патриотического добровольческого движения».

4. Отношение колониальной администрации к маневрам генерала Гиппиуса

Маневры и эксперименты генерала Гиппиуса в Ферганской области были встречены особенно неприязненно колониальной администрацией и колонизаторами. Большинству колонизаторов края больше импонировали метод насилия и решительные действия с применением «военной силы, пули и нагайки».

Среди колониальной администрации в это время усилились настроения в пользу применения террористических методов управления непокорной колонией. Стали нарочито распространяться версии о народном восстании, как о восстании от начала и до конца панисламистском, якобы направленном вообще против русского народа.

Стали провокационно раздуваться слухи и сообщения о «зверствах» коренного населения, якобы угрожающего расправой над всем русским населением края.

Краевая администрация настойчиво ходатайствовала перед Военным Министерством о введении в крае военного положения.

17 июля 1916 года именным Указом царя Туркестанский Военный округ был объявлен на военном положении (120).

С этого момента еще шире практиковались активные действия карательных отрядов, началось массовое применение жестоких репрессий в отношении коренного населения и эти репрессии продолжались с необыкновенной силой до конца июля в основных районах края.

Но Ферганский губернатор своими действиями вносил заметный диссонанс в общий оркестр злобной музыки репрессий. Этот генерал к тому же воображал и изображал дело так, что будто он один среди царских чиновников края понял истинный смысл «Высочайшего Повеления», точь-в-точь как анекдотический прапорщик, который уверял, что «он один только идет в ногу, а вся рота идет не в ногу».

Забыв девиз о том, что «власть верховная не любит слабых рук», генерал Гиппиус легко пошел на непозволительные уступки «инородцам», фактически отменил «Высочайшее Повеление», сочинил и распространял унижающее власти «2-е объявление», затеял невероятное и подозрительное добровольческое движение.

2-е объявление Ферганского губернатора рассматривалось как замаскированный отказ от выполнения «Высочайшего Повеления». Ерофеев писал в Петроград о том, что «губернатор генерал Гиппиус во имя спокойствия области отказался предъявлять населению обязательную поставку рабочих» (121).

Добровольческое движение в Ферганской области считалось блефом, вводящим в заблуждение Ташкент и Петербург. Широковещательные рекламы — красочные описания и фотографирования сцен «единения» Ферганского губернатора с народом, местных «патриотических»

манифестаций добровольцев не могли обмануть «умудренных» опытом восстания колонизаторов края.

«Туземцы есть и долго еще будут элементом ненадежным и считать их нам преданными большая ошибка», (122) писал из Скобелева, жалуясь на странности Гиппиуса, некий «старый туркестанец» — отставной коллежский ассесор, частный поверенный Соколов.

Вообще почти все колонизаторы самой Ферганы в унисон заявляли, что «никакого патриотического настроения среди туземцев нет», что «никакого добровольческого движения нет», они саркастически называли гиппиусовское добровольческое движение «сплошной мистификацией», патриотические манифестации «добровольцев» — «гнусной комедией», а самих добровольцев — «нанятым за большие деньги сбродом» (123).

В «добровольческом движении» видели, однако, не только пустую, но вредную и опасную затею. По единодушному мнению русских чиновников и промышленников, состояние дел в Фергане в отношении набора рабочих стало после опытов Гиппиуса чрезвычайно тяжелым, запутанным и «в корень испорченным» по следующим причинам:

1. Принятый Гиппиусом способ набора рабочих не отвечает самому духу государственной повинности, общей и равной для всех;

2. Сбор огромных денег для оплаты наемных рабочих, иногда до 700 рублей за одного человека, не отвечает самой стоимости требуемого труда;

3. Имеющийся в области «контингент общественных отбросов» (?!) может покрыть, не задевая коренного населения, незначительную долю наряда рабочих. В связи с этим может иссякнуть приток желающих итти за плату в порядке найма на тыловые работы и может даже не найтись у населения достаточных средств для найма рабочих — так называемых добровольцев. Однако, «туземное население, утверждали кокандские деловые круги, получило убеждение в том, что от него требуется поставка лишь желающих», вследствие чего «могут иметь кровавые выступления, если приток желающих за плату от населения итти на работу иссякнет» (124).

Колонизаторы не верили и в прочное успокоение Ферганской области, связывали наступившее затишье прежде всего и главным образом с энергичными карательными действиями войск.

Некоторые чиновники утверждали, что «наступившее успокоение в Фергане объясняется только присутствием достаточного количества войск» (125) и вообще есть прямое следствие «страха перед штыками, неожиданно появившимися» (126).

Воззвания к населению Ферганы, турнэ по Фергане и собеседования губернатора с населением расценивались как действия, роняющие престиж царской власти и унижающие достоинство колониальной администрации.

2-е объявление и воззвание Ферганского губернатора, писал начальник Кокандского отделения Жандармского Управления Среднеазиатской железной дороги «подверглись беспощадной критике русского населения», видевшего в них «упрашивающие успокоения» коренного населения. (127).

В донесении начальника Туркестанского районного охранного отделения с рассказом о Наманганском спектакле, разыгранном Гиппиусом, сообщалось, что присутствовавшие при этом некоторые русские

чиновники и колонизаторы были удивлены поведением губернатора и «с негодованием ушли с места произнесения речи» (128).

Наряду с этим «оппозиционные настроения» и самочинные действия Ферганского губернатора ущемляли самолюбие высших чиновников Ташкента. Поведение Гиппиуса вообще шокировало краевую администрацию тем, что оно нарушало порядок субординации и приводило к прямому неподчинению генерал-губернатору.

«Телеграфируйте, какие именно функции главноначальствующего Вы приняли на себя и на каком основании» — требовал ответа Ерофеев в связи с извещением Гиппиуса о совершенном им 16 июля в Андижане «пронунциаменто» (129).

В пылу возмущения Ерофеев был склонен инкриминировать Гиппиусу некое анархическое бунтарство.

В ходе событий в период с 16 по 28 июля выяснилось, что Ферганский губернатор совсем «отбился от рук» и ведет себя уж очень непослушно. Стараясь угодить местной национальной верхушке, Гиппиус, например, неодобрительно отзывался о политике репрессий генерал-губернатора, которые, по его мнению, только мешают широкому распространению «патриотического добровольческого движения» (130).

Далее, Гиппиус ходатайствовал об отмене распоряжения генерал-губернатора о стеснениях и ограничениях в передвижении коренного населения по железным дорогам (131). Он дошел до того, что лично нарушал распоряжения генерал-губернатора и даже, как доносили местные чиновники, высказывал суждения о целесообразности... вывода войск из Ферганской долины, «в которой стало спокойно» (132).

Словом, Ферганский губернатор готов был, как думали многие чиновники, провозгласить «эру доверия» в своей области.

Действия Гиппиуса вносили разнобой и путаницу в управление волнующимся краем, они ослабляли впечатление от решительных мер краевой администрации, они создавали впечатление о слабости позиций царизма в колонии, они могли только усиливать и обнадеживать элементы сопротивления среди вообще всего населения края. В самом деле, в Ташкент поступали сообщения о том, что 2-е объявление генерала Гиппиуса распространяется по Туркестану и будто радостно читается населением (национальной буржуазией — **П. К.**).

Губернатор самой неспокойной области генерал Лыкошин с тревогой писал, что «в область проникло 2-е объявление Ферганского губернатора, читается радостно, так как содержит в себе указания только на вызов добровольцев, сбивает туземцев», при этом Лыкошин направлял в Ташкент почтой один из проникших в его область экземпляров 2-го объявления (133).

В связи с этим генерал-губернатор, генерал Ерофеев начал серьезные контрмеры против действий генерала Гиппиуса и его лично.

Во-первых, — Ерофеев предложил губернаторам «не допускать в области распространения 2-го объявления Ферганского губернатора, как неправильно понимающего Высочайшее Повеление 25 июня» (134). Второе объявление Ферганского губернатора причислялось к категории запрещенных документов и подлежало конфискации. В редакции Ташкентской туземной газеты (редактор чиновник Худоярханов) 23 июля 1916 года была произведена специальная проверка, в результате которой были изъяты найденные там экземпляры 2-го объявления (135).

Во-вторых, — Ерофеев, поскольку лично он не мог разделаться с Гиппиусом, категорически поставил перед Военным Министерством вопрос о возможности дальнейшего пребывания генерала Гиппиуса на посту губернатора важнейшей области края.

5. Отстранение с поста губернатора генерала Гиппиуса

Дело, таким образом, дошло до Петрограда, до Военного Министерства. В Петрограде косо смотрели на либеральное поведение и эксперименты генерала Гиппиуса. И здесь не верили в гиппиусовское добровольческое движение. Авторитетные генералы, знатоки Средней Азии, приходили по этому вопросу к отрицательным выводам. Ферганские эксперименты, несмотря на разъяснения и афиширование Гиппиуса, расценивались как замаскированный отказ от выполнения «Высочайшего Повеления». Считали также, что успокоение области достигнуто отменой «Высочайшего Повеления», но что это предвещает в недалеком будущем, в связи с неизбежным восстановлением силы царского указа, опасность еще более значительных народных волнений.

«Относительное спокойствие в Ферганской области, — писал Куропаткин, находившийся тогда в Петрограде,—достигнуто резким отступлением Ферганского военного губернатора, генерал-лейтенанта Гиппиуса, от полученного им приказания: он объявил населению, что будут брать на работы только тех, кто добровольно изъявит на то согласие» (136). В Фергане, по мнению Куропаткина, Гиппиус усложнил и запутал дело так, что «отмена такого объявления, сделанного в воззваниях, отпечатанных и распространенных по всей Ферганской области, может повлечь к самым серьезным беспорядкам в этой населенной и богатой по производству хлопка области» (137).

В своем дневнике Куропаткин записал: «в Фергане генерал-лейтенант Гиппиус наделал чудес. Объявил, что волю государя в Ташкенте поняли неправильно. Отложился от командующего войсками Ерофеева, надел халат, тюбетейку, вышел в этом костюме к народу, целовал коран» (138). По поводу расчета Гиппиуса на то, что «население само поставит добровольцев — рабочих, даже в большем числе», Куропаткин заметил: «Это, конечно, не оправдалось» (139).

Военное Министерство и Главный Штаб прежде всего указали Гиппиусу на недопустимость его попыток сноситься непосредственно с Петроградом через голову Туркестанского генерал-губернатора. На телеграммы губернатора №№ 53 (56) и 65 от 16 и 18 июля с извещением о выходе в свет 2-го объявления, Главный Штаб в лице генерала Михневича отвечал: «По докладу 65 (телеграммы № 65—П. К.). Военный министр приказал: «руководствоваться указаниями Туркестанского генерал-губернатора, а не испрашивать непосредственно указаний из Петрограда, самую же телеграмму передать усмотрению генералу Ерофееву» (140).

Вскоре в Петрограде решили убрать генерала Гиппиуса с поста Ферганского губернатора. 27 июля 1916 года врид. Военного Министра генерал — от-инфантерии Фролов приказал Ерофееву отозвать Гиппиуса в Ташкент, где он должен был «иметь пребывание... впредь до получения дальнейших указаний» (141).

Затем было получено распоряжение о зачислении Гиппиуса в резерв чинов Штаба Кавказского Военного округа. Ферганский губерна-

тор подлежал своеобразному остракизму —удалению из Туркестана, к которому он так привык.

28 июля 1916 года Гиппиус по срочному вызову выехал в Ташкент Опальный губернатор старался реабилитировать себя. Находясь в пути (в Коканде), он продолжал доказывать, что применяемые им меры отнюдь не являются отменой «Высочайшего Повеления», а представляют собою особый «прием управления», необходимый в обстановке «совершающихся» событий (142).

С момента встречи в Ташкенте Гиппиуса и Ерофеева, между генералами происходили непрерывные «петушиные бои» по поводу «приемов управления». Эти «петушиные бои» генералов являлись слабым и своеобразным отражением народной борьбы против колониального режима (143).

Недовольный Ерофеевым, порочившим реномэ — его, царского губернатора, Гиппиус снова пытался обращаться в Главный Штаб. Он просил, чтобы ему дали «возможность на деле показать правильность всего взятого направления» (144).

Он гарантировал выполнение всего назначенного для Ферганской области наряда рабочих (145). Наконец, он пугал царское правительство и Военное Министерство новыми «беспорядками», к которым могут привести «крайности» Ерофеева и его помощников.

«Как бы вскоре не повторилось в Фергане то самое, что случилось в соседней области, писал Гиппиус начальнику Главного Штаба, намекая на Джизак, но с несравненно более тяжелыми последствиями для государства в хлопковой области» (146).

За время с 28 июля по 1 августа генерал Гиппиус послал в Петроград что-то около 5-ти телеграмм. (147), а для вящей убедительности своих аргументов и просьб выслал 6 фотоснимков своих патриотических бесед с местным населением (148). Но все было безрезультатно. В Фергану был назначен в качестве временно исполняющего должность Военного губернатора полковник Иванов — беспощадный усмиритель Джизакского восстания, ревностный помощник Ерофеева и недоброжелатель Гиппиуса. Гиппиус считал, что для Ферганы «при настоящем ее положении — такой тип управителя наименее желателен» и даже забеспокоился за положение в Фергане (149).

Но когда вышло новое «Высочайшее Повеление» от 30 июля об отсрочке мобилизации на тыловые работы до 15 сентября, бывший губернатор Ферганы вполне успокоился. С этого времени он просил лишь об ускорении его перевода на Кавказ: «Высочайшим Повелением, — писал он в Главный Штаб, вся острота сразу совершенно устранена ...Я пока в Ташкенте. Прошу об ускорении моего перевода на Кавказ», (150).

Но из Петрограда последовало новое распоряжение о том, что ферганские эксперименты и их автор подлежат обстоятельной проверке. Вследствие этого, Гиппиус должен был оставаться в Ташкенте до прибытия нового генерал-губернатора — Куропаткина (назначен 22-го июля) в Туркестан, на которого и возлагалось окончательное расследование дела генерала Гиппиуса.

«До прибытия генерал-адъютанта Куропаткина, телеграфировали Ерофееву из Главного Штаба 2 августа,—генерал Гиппиус должен оставаться в Ташкенте... Вопрос о назначении этого генерала на Кавказ

должен остаться открытым до ознакомления генерал-адъютанта Куропаткина с результатами его деятельности» (151).

6. Последствия и значение дела Ферганского губернатора Гиппиуса

В течение одиннадцати дней (28 июля — 8 августа) находился в Ташкенте генерал Гиппиус не у дел на положении опального губернатора. Он с нетерпением ожидал приезда нового генерал-губернатора, от которого зависела его дальнейшая карьера. Куропаткин приехал в Туркестан 8 августа 1916 года и немедленно занялся обстоятельным ознакомлением с положением дел в неспокойном крае. Ознакомился он в связи с этим и с делом генерала Гиппиуса. Теперь Куропаткин увидел, что Ферганский губернатор далеко не бунтарь, совсем не анархист и не просто чудак, что странные действия этого губернатора имели свои резоны — неподготовленность указа о наборе рабочих, опасения за положение важнейшей хлопковой области края, желание предотвратить назревавшее всенародное восстание. В сущности споры между Гиппиусом и Ерофеевым оказывались спорами о способах наиболее удобного проведения мобилизации коренного населения в обстановке народных волнений. Вместе с тем опыты Гиппиуса, поддержанные национальной буржуазией, обогащали в какой-то мере практику управления краем в наступающий новый и сложный период его истории.

Сам Гиппиус по-прежнему крепко держался своих взглядов и считал себя в своих прошлых действиях правым.

В докладной записке от 11 августа 1916 года на имя генерал-губернатора Гиппиус писал: «В настоящее время Туркестанский край находится в критическом положении... Можно сказать теперь поворотный пункт к решению вопроса: создать ли нам из Туркестана опору могущества государства или создать вечный источник нашей слабости» (152).

Гиппиус заявлял о целесообразности продолжать в той или иной форме взятый им курс не только в Фергане, но и во всем Туркестане.

«В безболезненность проведения Высочайшего Повеления от 25 июня, писал он, иначе как на началах, положенных мною в Ферганской области или же на началах какого-нибудь нового подробного закона мне не верится. Я предвижу осложнения» (153).

Мысли Гиппиуса теперь, когда снова в крае начались восстания (казахские, киргизские и туркменские районы), уже не казались странными и абсурдными. Куропаткин, готовясь к выполнению царского указа от 25 июня 1916 года, собирался даже привлечь Гиппиуса к участию в подготовительных мероприятиях по набору рабочих на тыловые работы (154).

Но генерал Гиппиус все же оскандалился и здорово оскандалился — отменой царского указа, нарушением субординации, своим унизительным заигрыванием перед «туземцами» с надеванием халата, чалмы, тюбетейки и целованием корана.

Из Военного министерства и Главного Штаба, не забывая прошлого, запрашивали Ташкент и лично Куропаткина по поводу судьбы Гиппиуса; предлагая «уведомить о результатах личного Вашего ознакомления о таковых действиях и предположениях в отношении названного генерала» (155).

Но Куропаткин не торопился и раздумывал. Дело в том, что в крае положение усложнялось во всех отношениях. Стало известно, что по инициативе местной национальной буржуазии в Туркестан вскоре приезжает депутация Государственной Думы. Было ясно, что Дума, посылая своих членов в край, собирается выявить обстоятельства народных волнений и восстаний в крае. Оппозиционные настроения русской буржуазии, повысившиеся со времени поражений царских армий в 1915 году, могли получить в событиях 1916 года в Туркестане новые стимулы. При этом все эти обследования депутатов Думы несли туркестанской администрации разные неприятности.

Дело генерала Гиппиуса в этих условиях могло явиться для Думы некоторой находкой и быть использовано против краевой администрации и вообще царских властей. В такое тревожное время надо было действовать по правилу «не выносить сор из избы» и всячески добиваться единства и сплочения сил военной бюрократии.

Дело генерала Гиппиуса, конечно, нельзя было совершенно скрыть, предать забвению. Впоследствии, после объезда края (17 августа — 1 сентября), А. Ф. Керенский на закрытом заседании Думы 13 декабря 1916 года в своей речи, резко обвиняя царские власти и краевую администрацию в поспешных и неосмотрительных действиях, весьма одобрительно отозвался о ферганском губернаторе, генерале Гиппиусе

«Среди местных высших представителей власти, подчеркнул Керенский, — был один губернатор, генерал Гиппиус, который имел гражданское мужество подать особое мнение и не подчиниться такому безумному распоряжению местных властей и достиг того, что там не было таких беспорядков, как в других областях» (156).

Однако можно было скандальное дело Гиппиуса, так сказать, ретушировать, подкрасить и прежде всего надлежало успокоить — утихомирить самого Гиппиуса, не дать состояться встрече депутатов Думы с этим губернатором, который мог кое-что выболтать.

Куропаткин поэтому не только не счел целесообразным применять в отношении Гиппиуса каких-либо мер наказания или взыскания, но и обходился с ним корректно, уважительно, даже ласково. Он решил, поскольку Петроград настаивал, ограничиться отчислением Гиппиуса от должности губернатора и направлением на Кавказ. Спустя 6 дней после запроса из Главного Штаба, Куропаткин отвечал лаконично, что «Гиппиус будет отчислен от занимаемой должности» (157).

В рапорте на имя царя Куропаткин отзывался о Гиппиусе и его деятельности так: «Военного губернатора Ферганской области ген-лейт. Гиппиуса, честного, опытного администратора пришлось устранить за допущение им искажения отданного по высочайшей воле приказа о призыве рабочих, (добровольно) надел халат, чалму, читал коран». Гиппиусу было ласково предложено выехать на Кавказ, видимо, торопились, чтобы он не встретился с представителями Думы, которые приехали в Ташкент 15—17 августа. Еще 14 августа Гиппиус, с разрешения Куропаткина, выехал в Скобелево за семьей с тем, чтобы оттуда прямиком отправиться в Тифлис (158).

Признательный за хорошее отношение и обращение, Гиппиус перед отъездом в Фергану и оттуда на Кавказ, в специальном благодарственном письме Куропаткину обязывался поддерживать престиж царизма, не критиковать действий высших властей, вообще сохранять единство царской администрации перед лицом ее врагов, поднимавших голову.

«Ваше высокопревосходительство, писал Гиппиус Куропаткину, можете иметь полную уверенность в том, что я понимаю интересы правительства при Управлении краем и, стремясь по мере моих сил, таковые охранять, не позволю себе даже в частных беседах принимать хотя сколько-нибудь недовольный или будирующий тон, не позволю себе критиковать действия своего начальства, тем более, что милостивое и ласковое обращение Ваше со мной дало мне полное нравственное удовлетворение. О времени отъезда я спишусь с Кавказским начальством и доложу Вам. С членами Государственной Думы, буде они пожелают со мной говорить, я ни в какие объяснения вступать не стану.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорным слугой А. Гиппиус» (159).

Так полным примирением и единением закончилось дело генерала Гиппиуса, небольшое недоразумение в правящих кругах Туркестана, которое было вызвано подъемом большого национального движения и начавшимся кризисом колониального режима.

Поскольку этот кризис не слабел, а усиливался, углублялся, царской администрации Туркестана, ее главе — генералу Куропаткину, пришлось итти на более широкие маневры.

Выходило, что при всех странностях и чудачествах генерала Гиппиуса, осложненных, мягко выражаясь, его повышенной боязливостью, в его действиях в Фергане за период с 16 по 28 июля было некое трезвое начало — понимание того, что нельзя «жить по-старому», что нельзя не считаться с интересами «туземного населения».

То обстоятельство, что генерал Гиппиус раньше всех других царских чиновников осознал необходимость маневров и уступок, объяснялось между прочим огромным экономическим значением Ферганской области в системе российского колониализма, ее значением как выдающейся хлопковой житницы (базы) Российской империи.

В тревогах и заботах губернатора Гиппиуса мы часто слышим упоминания о ценнейшей культуре хлопка. Гиппиус особенно похвалялся тем, что своими действиями (фактическая отмена царского указа) он в значительной мере спас хлопковый урожай 1916 года.

«Если оценивать своевременную окучку и поливку хлопковых полей в пору развития и раскрытия хлопковых коробок, только в 5 проц., увеличения урожая, заявлял Гиппиус, то мои две телеграммы председателю Московского Биржевого Комитета (20 и 23 июля об успокоении Ферганы—П. К.) создали новое количество хлопка до 400.000 пудов на сумму 8000000 рублей, но, вероятно, урожай увеличится до 10 проц.» (160).

Генерал Гиппиус в политике маневров периода первой мировой войны выступил как бы в роли предшественника Куропаткина; ведь это он, Гиппиус, навеял мысли о необходимости издания нового, — подробного до деталей, закона (приказ № 220 от 23 августа 1916 года) о мобилизации на тыловые работы, в котором большие надежды возлагались на успокоение и содействие национальной буржуазии края.

В заключение следует еще раз отметить, что царские власти, и на местах и в центре, критикуя, осуждая и даже снимая с поста губернатора Гиппиуса за его лавирование, уступки, за его «унижение перед «туземцами», вынуждены были вскоре пойти, может быть более умело, более

хитро, но в сущности по тому же пути—по пути маневрирования и заигрывания с коренным населением, с его феодально-байской верхушкой.

И они шли, тянулись по этому пути, подталкиваемые силами все углубляющегося кризиса колониального режима в Туркестане (сентябрь 1916 — март 1917 г.г.) (161).

Ссылки и примечания

1. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Т, 1955, стр. 584.
2. См. А Шестаков. «15-тилетие восстания в Средней Азии» М. Л. 1931 г., стр. 17—18
3. См. Труды Среднеазиатского Государственного Университета им. В. И. Ленина, Ист. наука, книга 11 Изд. САГУ Ташкент, 1956, стр. 88; История Узбекской ССР. том 1, кн. вторая, Изд. АН УзССР, Ташкент. 1956. стр. 393.
4. См. Труды Ср. Аз. Гос. Университета, гуманитарные науки, книга 8. Изд. САГУ, Ташкент, 1955, стр. 5—31.
5. См. Труды Ср. Аз. Гос. Университета, исторические науки, книга 11, Изд. САГУ, Ташкент, 1956. стр. 71—103.
6. Там же
7. ЦГИА УзССР, т. 1. оп. 31. д. 1135, лл. 109—111. Доклад Самаркандского губернатора Н. Лыкошина 21. VII. 1916 г.
8. ЦГИА УзССР, ф 1, оп. 31, 1194. 1916 г. лл. 19—20, д 1211, 1916 г. лл. 1—2.
9. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31. д. 1101. 1916 г., л. л. 8—13. Запрос группы членов Думы в декабре 1996 года.
10. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31. д. 1128. 1916 г. л.л. 114—117. д. 1132, 1916 г. л. 79; д. 1135. 1916 г., л. л. 198—199. д. 1132, 1916 г.; л. л. 124—126.
11. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31. д. 1135, 1916, г. л. 34. Телеграмма Ерофеева военным губернаторам от 14 VII. 1916 г.
12. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31. д. 1132. 1916 г. л. 25. Телеграмма генерала Гиппиуса из Скобелева 15. VII. 1916 г. № 498
13. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, 1916 г. л. л. 109—110. Доклад Самаркандского Воен. губ. от 21. VII. 1916 г. № 497
14. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31, д. 1100 1916 г. л. 201. Доклад А. Н. Куропаткина Военному министру
15. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137. 1916 г. л. 210.
16. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1140. 1916 г. лл. 10—11 . Телеграмма Ерофеева Военному Министру 15 июля 1916 г. № 4459
17. Там же, л. 15
18. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31, д. 1127. 1916 г. л. 45. Первая черновая редакция телеграммы Ерофеева 5 июля 1916 года
19. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31. д. 1127, 1916 г. л. 183, лл. 110—111.
20. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1073, 1916 г. л. 41. Письмо генерала А. Н. Гиппиуса — генерал-губернатору Ф. В. Мартсону 3. XI. 1915 г.
21. См. А. Ф. Якунин и О. К. Кулиев. «Восстание 1916 года в Средней Азии» «Вопросы истории», № 3 за 1953 г.
22. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31, д. 1211, (из россыпи), 1917 г. лл. 5—6. Докладная записка Гиппиуса на имя Куропаткина от 11. VIII. 1916 г. № 157, в которой Гиппиус предлагает в управлении Краем следовать примеру англичан в Британской Индии, якобы приведших ее к расцвету.
23. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31, д. 1135. д. 1916 г. Из объявления Военного губернатора Ферганской области.
24. ЦГИА УзССР. ф 1. оп. 31. д. 1135. 1916 г. л. 285. Письмо Гиппиуса Самаркандскому губернатору 8 июля 1916 г.
25. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31. д. д. 1132. 1916 г. лл. 153—154. Рапорт пом. нач. Туркрайон. охран. отделения 20. VII. 1916 года
26. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31. д. 1132. 1916 г. л. 36. Первое объявление Ферганского Военного губернатора от 9 июля 1916 года. Объявление было переведено на узбекский язык и доставлялось на места в течение 9—11 июля. 15 июля оно

было опубликовано на русском и узбекском языках в листке телеграмм Ферганских областных ведомостей, выходивших четыре раза в неделю.

27. Там же.
28. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 4. Шифрованная телеграмма Гиппиуса из Скобелева в Ташкент ген-гру 9. VII. 1916 года № 473.
29. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 5. Шифрованная телеграмма Гиппиуса в Ташкент 9. V. 1916 г. № 474.
30. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. лл. 8—9. л. 12.
31. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 23. Телеграмма Гиппиуса в Ташкент 12. VII 1916 г. № 51.
32. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 75 Телеграмма Гиппиуса ген-гру 19. VII. 1916 г.
33. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 12.
34. Там же
35. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, л. 1132, 1916 г. л. 23. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 12. VII. 1916 г. № 51.
36. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31 д. 1194, 1916 г., лл. 28—32. Донесение нач. Турк. район. охрн. отделения 8. VIII. 1916 г.
37. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132. 1916 г. л. 41, л. 70; Журналы заседаний участкового Кокандского Комитета по охране Средаз. ж. д. от 14 и 16. VII. 1916 г.
38. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 167. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 1916 г№ 496.
39. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 43. Телеграмма Гиппиуса 15. VII. 1916 г. № 503.
40. ЦГИА УзССР, ф 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 25. Шифрованная телеграмма Гиппиуса ген-гру из Скобелева 15.VII-1916 г. № 498.
41. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 30. Телеграмма Ерофеева Ферганскому губернатору 16. VII. 1916 г. № 717.
42. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31. д. 1132, 1916 г. л. 33. Телеграмма Ерофеева Ферганскому губернатору 12. VII. 1916 г.
43. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. лл. 124—126. Донесение начальника Кокандского Отделения жандарм. управления Средаз. ж. д.
44. Там же.
45. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31, д. 1132. 1916 г., л. 25. Шифрованная телеграмма Гиппиуса ген-гру 15. VII. 1916 г. № 498.
46. «Туркестанский край» 1916 г., № 14 от 16. VII.
47. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 54. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 17. VII. 1916 г. (Из Андижана).
48. ЦГИА УзССР, ф. 1. оп. 31, д. 1132. 1916 г. л. 43. л. 54. Телеграммы Гиппиуса ген-гру от 15. VII 1916 г. № 503 и 17. VII. 1916 г. № 59.
49. В. И. Ленин., соч., том 17, стр. 64.
50. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 122. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 27. VII. 1916 г. № 128.
51. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31, з. 1132, 1916 г., л. 25. Шифрованная телеграмма Гиппиуса из Скобелева 15. VII 1916 г. № 498
52. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, 1916 г., л. 287. Телеграмма Гиппиуса Начальнику Главштаба 18. VII. 1916 г. № 65.
53. См. В. И. Ленин., соч. т. 24, стр. 43:
54. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. лл. 64—67. Телеграмма Гиппиуса 19. VII. 1916 г.
55. ЦГИА УзССР. ф. 1, оп. 31, д 1132, 1916 г. л. 144; д. 1135, 1916 г., л. 287; Телеграмма Гиппиуса начальнику Главштаба 18. VII. 1916 г. № 65.
56. Там же.
57. ЦГИА УзССР. ф. 1 оп. 31, д. 1132. 1916 г. Письмо Гиппиуса генерал-губернатору 31. VII. 1916 г. (в Ташкенте) № 147.
58. ЦГИА УзССР. ф. 1. оп. 31, д. 1132. 1916 г., л. 30. Телеграмма генерал-губернатора Гиппиусу 16. VII. 1916 г. № 717.
59. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма генерал-губернатора Гиппиусу в Андижан 20. VII. 1916 г. № 776.
60. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 54. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 16. VII. 1916 г. № 56 (Из Андижана).
61. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31. д. 1132, 1916 г. л. 131. Из телеграммы Гиппиуса начальнику Главштаба 31. VII. 1916 г. № 147. В эти же дни Гиппиус послал Ерофееву телеграмму № 59 (17. VII.), в которой информировал его о своих прямых по вопросу о положении в Фергане сношениях с Главным штабом: «Со

годня в воскресенье, писал губернатор, я послал в Главный Штаб телеграмму с просьбой о спешном объявлении Ферганы на военном положении и о предоставлении мне прав главноначальствующего Краем». На этой телеграмме генерал Ерофеев наложил 18. VII. негодующую резолюцию: «На каком основании».

62. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1135, 1916 г. «2-е объявление от Военного губернатора Ферганской области туземному населению».
63. Там же.
64. ЦГИА УзССР,, ф. 1, оп. 31, д. 1132. 1916 г., л. 54 Телеграмма Гиппиуса ген.гру 17. VII. 1916 г. № 59 (Из Андижана)
65. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 83. Телеграмма Гиппиуса ген-гру в 7 часов утра 19.VII-1916 г. № 67 (Из Андижана).
66. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. л. 64—67. Телеграмма Гиппиуса ген-гру в 11 часов вечера 19. VII. 1916 г. № 74 (Из Андижана).
67. Там же.
68. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 131. Из телеграммы Гиппиуса начальнику Главштаба 31. VII. 1916 г. № 147. Губернатор добавлял: «С тех пор до сегодня (31. VII.) в Фергане нет никаких беспорядков, в то время как в соседней Самаркандской области беспорядки продолжались 19 и 20 числа».
69. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Гиппиуса в Главный Штаб 29. VII. 1916 г: № 139:
70. ПГИА УзССР, ф. 1. оп. 31. д. 1211 (из россыпи). 1917 г., л. л. 1—2 Телеграмма Гиппиуса Пред. Московского Биржевого комитета 20. VII. 1919 г. № 76 (Из Коканда).
71. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1211 (Из россыпи). 1917 г. лл. 1—2 Телеграмма Гиппиуса Пред. Московского Биржевого комитета 23. VII 1916 г. № 202 (Из Намангана)
72. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1194, 1916 г., л. л. 19—20. Московский Биржевой комитет на просьбы Гиппиуса ответил лишь 5. VIII., предложив фирмам и банкам продолжать с этого времени раздачу задатков под хлопок.
73. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, 1916 г. л. л. 176—177 Протокол совещания в Коканде 3. VIII. 1914 года.
74. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1140, 1916 г., л. 34, Телеграмма Ерофеева Военному Министру и Министру Внутренних Дел 22. VII. 1916 г. 5262
75. ЦГИА УзССР, л. 1, оп. 31, д. 1143, 1916 г., л. 54. Из доклада генерала Фролова по Главному Штабу 26. VII. 1916 г.
76. ЦГИА УзССР ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 33. Телеграмма Ерофеева Гиппиусу 12. VII. 1916 г.
77. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 5, л. 23, л. 25, л. 267. Телеграммы Гиппиуса от 9, 12, 14 и 15 июля, № № 474, 51, 496, 498.
78. ЦГИА УзССР, л. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Гиппиуса в Главный Штаб 29. VII. 1916 г. № 139.
79. Там же,
80. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Отношение Гиппиуса 29. VII. 1916 г. № 134.
81. ЦГИА УзССР. ф. 1. оп. 31, д. 1132, 1916 г. Отношение Гиппиуса генерал-губернатору 29. VII. 1916 г. № 139.
82. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. л. 112—113.
83. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Гиппиуса в Главный Штаб 29. VII. 1916 г. № 139.
84. В. И. Ленин, Соч, том 31, стр. 27.
85. На отношении Гиппиуса от 18. VII. 1916 г. с заявлением о том что «охотников найдется так много, что мы отберем лучших, пошлем на фронт» и что он «до сего времени вполне уверен, что охотников найдется больше, чем надо», генерал Ерофеев сделал ироническое замечание: «За деньги».
86. В. И. Ленин, Соч. том 31, стр. 82.
87. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. «2-е объявление от Военного губернатора Ферганской области туземному населению».
88. Там же.
89. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 122, л. 131. Телеграмма Гиппиуса Ген-гру 27. VII. 1916 г. № 128.
90. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 94. Телеграмма Гиппиуса 23 июля 1916 г. № 100.
91. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 122, л. 131. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 27.VII-1916 г. № 128. Нач. Глав. Штаба 31.VII-1916 г. № 147.

92. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 94. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 23. VII. 1916 г. № 100.
93. См. И. В. Сталин, соч., т. 9, стр. 18.
94. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Донесение нач. Турк. район. охран. отделения ген-губернатору 27. VII.1916 г. № 3113.
95. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 96. Конфиденциальное письмо товарища прокурора Ферганской области Ерофееву 23. VII. 1916 г. Письмо начиналось с обращения «Милостивый государь, Иван Яковлевич».
96. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 122.
97. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 94, л. 122. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 27. VII. 1916 г. № 128 (Из Коканда).
98. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 122. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 27. VII. 1916 г № 128 (Из Коканда).
99. Там же.
100. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 134, лл. 112—113. Телеграмма полицмейстера ст. Маргелана подполковника Пахотина 28 июля, помещенная в отношении Гиппиуса ген-гру 28. VII. 1916 г. № 134. Сообщение Скобелевского уездного начальника, полковника Гоштовта 28. VII., помещенное в телеграмме Гиппиуса Нач. Глав. Штаба 29. VII 1916 г. № 138.
101. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 131. Телеграмма советника Тейха, помещенная в телеграмме Гиппиуса Нач. Главштаба 31. VII 1916 г. № 147.
102. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма от Гиппиуса Нач. Глав. Штаба 31. VII-1916 г. № 147.
103. «Туркестанский голос», 1916 г. № 27 от 2. VIII.
104. «Туркестанские Ведомости» от 4. VIII. 1916 г.
105. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 122.
106. Там же.
107. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1131, 1916 г., л. 122.
108. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 1. Отношение Гиппиуса ген-гру 28. VII. 1916 г. № 134.
109. На этом заявлении Гиппиуса врид. генерал-губернатора Ерофеев сделал 28. VII замечание: «А по личному докладу губернатора совсем не готов».
110. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 177. Рапорт начальника Андижанского уезда 22. VII. 1916 г.
111. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1127, 1916 г., л. 271. Сообщение нач. Кокандского уезда 31. VII. 1916 г.
112. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 131. Телеграмма Гиппиуса Нач. Глав. Штаба 31. VII. 1916 г. № 147.
113. Там же.
114. Там же.
115. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Нач. Андижанского уезда ген-гру 29. VII. 1916 г. № 3054.
116. «Туркестанский голос» 1916 г. № 27 от 2. VIII. Заметка «Местная жизнь» — «Добровольцы»; «Туркестанские Ведомости» от 4. VIII. 1916 г.
117. Там же.
118. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. л. 153—154.
119. Там же.
120. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1143, 1916 г. л. 3 Телеграмма Военного министра Шуваева Туркестанскому губернатору 17. VII. 1916 г. № 305; л. 4 — Приказ по Туркестанскому Краю № 176 от 18. VII. 1916 г.
121. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1140, 1916 г. л. 34. Телеграмма Ерофеева Военному Министру 22. VII. 1916 г. № 5262. Копия Министру Внутренних Дел.
122. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., лл. 50—53, Письмо из Скобелева генерал-губернатору от частного поверенного Соколова 17.VII. 19157 г.
123. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1149, 1916 г., л. л. 67—68. Рапорт нового — временного губернатора области Иванова Ерофееву из Коканда 31.VII. 1916 г. л. л. 21—26. Отношение Иванова генерал-губернатору 8.VIII. 1916 г. В рапорте Иванова от 31.VII. 1916 г содержалась копия протокола Кокандского совещания представителей деловых кругов.

В отношении Иванова от 8.VIII. 1916 г. содержались копии совещаний деловых кругов в Скобелеве (2.VIII.), в Андижане (3.VIII.) и Намангане (4.VIII).

124. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, 1916 г., лл. 176—177. Протокол совещания представителей деловых кругов 31.VII. 1916 г. в Коканде.
125. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 96: Письмо товарища прокурора Ферганского окружного суда — генерал-губернатору в Ташкент.

126. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1149, 1916 г., л. л. 67—68.
127. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1. 132, 1916 г., л. л. 124—126. Донесение Нач. Коканд. Жандарм. полиц. управления Ср. Аз. ж. д. на имя Нач. Жандарм. управления Ср. Аз. ж. д. от 21.VII. 1916 г. № 1285.
128. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Донесение нач. Турк. район. охран. отделения 27.VII. 1916 г. № 3113.
129. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Ерофеева Гиппиусу 20.VII. 1916 г. № 768.
130. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 75. Телеграммы Гиппиуса ген-гру 19.VII. 1916 г. № 70 (Из Андижана); 23.VII. 1916 г. № 100 (Из Намангана).
131. Там же. В телеграмме из Андижана от 19.VII. 1916 г. Гиппиус писал генерал-губернатору: «Ходатайствую о спешной отмене распоряжения, стесняющего передвижение туземцев по железным дорогам в пределах Ферганской области, так как моя деятельность по усмирению Ферганы основывается именно на свободе передвижения туземцев для распространения смысла моих бесед с наиболее почетными и влиятельными представителями».
132. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 96. Конфиденциальное письмо товарища прокурора Ферганской области И. Я. Ерофеева 23.VII-1916 г. Товарищ прокурора жаловался Ерофееву на то, что губернатор Гиппиус в нарушение существующего запрещения ездить «туземцам» по железным дорогам без удостоверения полиции, требовал у администрации Ферганской железной дороги продажи им билетов, провозил в своем вагоне местных жителей и даже высказывал мнение о целесообразности... вывода войск из Ферганской долины, «в которой стало спокойно».
133. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, 1916 г., л. 92. Телеграмма Лыкошина Ерофееву 22.VII. 1916 г.
134. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, 1916 г., л. 61. Телеграмма из канцелярии генерал-губернатора 3.VII. 1916 г., подписанная А. А. Семеновым.
135. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, 1916 г., л. л. 66—67.
136. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1143, 1916 г., л. 64. Из доклада генерала Фролова по Главному Штабу 26.VII. 1916 г. № 161.
137. Там же.
138. «Красный архив», том 34, 1929 г. «Дневник Куропаткина», стр. 47.
139. Там же.
140. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 145. Телеграмма генерала Михневича Ферганскому губернатору Гиппиусу 21.VII. 1916 г. № 1132.
141. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 115. Телеграмма генерала Михневича врид. ген-гра Ерофееву 27.VII. 1916 г. № 17661.
142. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Гиппиуса ген-гру 28.VII. 1916 г. № 134 (Из Коканда).
143. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. л. 110—112.
144. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. л. 112—113. Телеграмма Гиппиуса в Главный Штаб 28.VII. 1916 г. № 136.
145. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Телеграмма Гиппиуса в Главный Штаб 29.VII. 1916 г. № 139.
146. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 133. Телеграмма Гиппиуса в Главный Штаб 30.VII. 1916 г. № 144.
147. Телеграммы Гиппиуса в Главный Штаб: № 136 от 28.VII. №№ 137, 138 от 29.VII; № 139 от 30.VII. № 144 от 31.VII. 1916 г.
148. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 133. Телеграмма Гиппиуса в Главный штаб 30.VII. 1916 г. № 144.
149. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. л. 114—115, л. 117.
150. ЦГИА УзССР ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 134. Телеграмма Гиппиуса Нач. Глав. Штаба 1.VIII. 1916 г. № 151.
151. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 115. Телеграмма Михневича в Ташкент 2.VIII. 1916 г.
152. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1211, (Из россыпи), 1917 г., л. л. 5—9. Докладная записка Гиппиуса на имя Куропаткина 11.VIII. 1916 г. № 157.
153. Там же.
154. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. л. 203.
155. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г. Запрос генерала Михневича 11.VIII. 1916 г. по приказу Военного Министра № 19055.
156. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, 1916 г. л. 283.
157. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 191 6г., л. л. 212—213. Весьма секретная телеграмма в Петроград 17.VIII. 1916 г. № 6155.
158. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 206.

159. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, 1916 г., л. 206. Письмо и ходатайство Гиппиуса на имя Куропаткина 14.VIII. 1916 г.
160. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1194. 1916 г., л. 19—20.
161. «Труды Средазгосуниверситета им. В. И. Ленина, Исторические науки, книга 7, изд. САГУ, Ташкент, 1954, стр. 31—63.

Содержание

Стр.

1. П. А. Ковалев — Эпизоды из истории восстания 1916 г. в Туркестане (Дело Ферганского губернатора генерала Гиппиуса) . . . 3
2. А. П. Савицкий — К истории концессий в дореволюционной Хиве .
3. А. Садыков — Заметка к истории рыболовства в Хивинском ханстве. 37
4. П. А. Ковалев — Общедемократическое движение за мир в Туркестане в период от февраля к октябрю 1917 г. (продолжение). . . 49
5. А. М. Матвеев — Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на иранцев — отходников в Туркестане. (1918—21 г. г.). 69
6. Л. В. Гентшке — Возникновение производственных совещаний в Узбекистане и их деятельность в 1924—1925 г. г. 87
7. Л. В. Гентшке — Помощь рабочих Узбекистана бастующим горнякам Англии в 1926 г. 111
8. В. А. Беляев — Из истории колхозного строительства в Узбекистане в начале 30-х годов. 123

Р10460 Сдано в производство . . Подписано в печать 30.XI. г.
Объем 9 п. л. Тираж 700 экз. Заказ 2638

Тип. Упр. Делами Совета Министров УзССР